

А. С. Рысаков

У Чэн (1249–1333):

биография в контексте традиционного конфуцианского жизнеописания

Статья посвящена исследованию жизни и творчества У Чэна, виднейшего представителя конфуцианской мысли эпохи правления династии Юань (1279–1367). Подробно исследуются детали жизненного пути мыслителя, анализируются агиографические элементы его жизнеописания. На историческом фоне реконструируются основные интенции его творчества и преподавательской деятельности.

Ключевые слова: китайская философия, история конфуцианства, история Китая средних веков

Aleksey S. Rysakov

Wu Cheng (1249–1333):

biography in the context of the traditional Confucian hagiography

The article is devoted to the study of the life and intellectual activity of the most eminent Confucian philosopher Wu Cheng during the period of the Yuan Dynasty (1279–1367). Wu Cheng's life as well as the elements of his hagiographic biographies are analyzed in details. The main intention of his works and teaching activity are reconstructed.

Keywords: Chinese philosophy, the history of Confucianism, Chinese history

Имя выдающегося конфуцианского мыслителя периода Юань У Чэна (吳澄 1249–1333) остается в тени его великих предшественников – Чжоу Дуньши, братьев Чэн, Чжу Си. В российском востоковедении специальных исследований жизни и творчества У Чэна не предпринималось. В западной синологической науке отдельно творчеством У Чэна занимался только один автор – американский профессор Дэвид Гедалечия (David Gedalecia). Вместе с тем еще один из основоположников советской китаистики академик В. М. Алексеев неоднократно обращал внимание на необходимость и важность изучения экзегетического наследия одного из наиболее значительных юаньских неоконфуцианцев¹. В. М. Алексеев полагал У Чэна фигурой, по масштабу соотносимой с величайшим неоконфуцианским мыслителем Чжу Си (1130–1200), называя его «крупным, оригинальным и достойным литератором-эрудитом»².

У Чэн (наставнический псевдоним Цао-лу) родился в селении Чунжэнь округа Фучжоу, расположенного на территории нынешней провинции Цзянси, в девятый год правления под девизом Чунь-ю (1249 г.) в 19-й день первого месяца. В это время Китай был разделен на две части – северную, контролируемую монголами и южную, все еще находящуюся под эгидой китайской династии Сун. У Чэн, появившийся на свет к югу от реки Янцзы, был подданным южносунского императора Ли-цзуна (1225–1265).

Самый ранний и наиболее авторитетный биограф У Чэна – его ученик Юй Чжи начина-

ет историю жизни учителя с предыстории его рода, происходившего из г. Наньчан провинции Цзянси, а затем переселившегося в г. Чунжэнь той же провинции. Юй Чжи приводит легендарные сведения, позднее перенесенные на страницы официальной хроники династии Юань, о провиденциальных знамениях, предшествовавших появлению на свет будущего великого ученого. «В вечер перед рождением учителя волостные старейшины заметили необычное облако, опустившееся возле его дома. Позднее предсказатель сказал, что из области между двух гор – Хуагай и Линьчуань, из этой области выйдет странный человек»³, а «Юань ши» дополняет рассказ: «Линь Ао (мать У Чэна. – А. Р.) в повторяющемся сне видела как нечто, извиваясь подобно дракону, опустилось в пруд неподалеку от ее хижины, о чем поутру она поведала людям. И затем родился У Чэн»⁴. Необходимо отметить, что ни в биографии Чжу Си, ни в биографиях других знаменитых неоконфуцианцев – братьев Чэн, Чжоу Дуньши, Чжан Цзая, Шао Юна – способных послужить архетипом для написания жития У Чэна, не содержится схожих мотивов чудесного рождения. Хотя, конечно же, сам сюжет о провиденциальных предназначениях весьма распространен в агиографической литературе как Востока, так и Запада. Типологически сходное сообщение мы можем обнаружить, например, в «Исторических записках» Сыма Цяня, в самом начале главы, посвященной первому ханьскому императору Лю Бану. Приведу отрывок целиком: «Гао-цзу (посмертный титул Лю Бана. – А. Р.),

человек из селения Пэйфэн, что в волости Ян, фамилия рода – Лю, имя – Цзи. Отца звали – Тай-гун, мать звали – Лю Ао. Началось все с того, что матушка Лю отдыхала на обрыве у большого озера, задремала, и ей пригрезилось, что она повстречалась с духом. В это время ударил гром с молнией, и вокруг потемнело. Тай-гун вышел посмотреть [что происходит] и тогда увидел чешуйчатого дракона зависшего над ней. По прошествии какого-то времени [она] понесла⁵. Между повествованием «Исторических записок» и текстом биографии У Чэна в юаньской династийной истории наблюдается несомненное смысловое сходство. В конфуцианской традиции знамения, сопутствующие зачатию и рождению ребенка, – это недвусмысленные знаки избранности Небом, они тесно связаны с доктриной Небесного мандата – идеологемой, оформлявшей преемственность верховной власти в традиционном Китае, начиная с эпохи Западного Чжоу (XI–VIII в. до н. э.). Поэтому с уверенностью можно утверждать, что появление в историографическом официозе записи о небесных знамениях, предвещавших рождение конфуцианского мыслителя У Чэна, большую часть жизни находившегося в оппозиции к существующему режиму, не может быть случайным. Это неоспоримое свидетельство высокой оценки фигуры У Чэна минскими компиляторами «Юань ши», приобретающей благодаря сообщению о его чудесном рождении общеперспективную значимость.

Очень рано – в трехлетнем возрасте – У Чэн уже проявляет проницательность и любознательность. Еще не умея читать, он на слух запоминает стихи древних поэтов, в пять лет он знает их уже более тысячи. Выучившись грамоте, он все ночи напролет запоем читает книги. Мать, переживая за него, стала гасить пламя светильника, но он, дождавшись, когда она заснет, вновь зажег огонь и при скудном свете продолжал чтение до утра⁶. Ранняя смерть отца и воспитание матерью – мотив архетипичный именно для конфуцианских наставников, равно как проявление страсти к обучению уже в детском возрасте. Подобные повороты судьбы сближали биографию конфуцианского ученого с жизненной канвой самого Конфуция. Основатель учения также в нежном детском возрасте потерял отца и остался на попечении матери.

Уже к девяти годам, благодаря усердным студиям классических книг, У Чэн смог принять участие в уездных экзаменах. Тогда же в 1258 г. состоялось первое знакомство нашего героя с творчеством великого неоконфуцианца Чжу Си: «Среди моих старых книг я открыл комментарии Чжу Си на „Да сюэ“ и „Чжун юн“. В то время я был столь восхищен, прочитав их, что про себя

перечитывал их по памяти более двадцати раз за день⁷. В 1262 г. У Чэн принимает участие в окружных экзаменах в Линьчуане. А в 1264 г. он становится учеником академии Линьчу, в которую был приглашен читать лекции Чэн Жоюн – его будущий наставник.

В процессе обучения юный вундеркинд демонстрировал несомненные успехи в изучении классической традиции и привлек внимание Чэн Жоюна настойчивыми расспросами о связи между двумя базовыми частями конфуцианского образования «Великим учением» и «Малым учением»⁸. В первые три года своего обучения в академии У Чэн занимался «Каноном сыновней почтительности» (孝學), и тогда же он впервые обратился к осмыслению неоконфуцианской традиции в рамках концепции «преемства Пути» (道統 дао тун)⁹.

Концепция «преемства Пути» представляет собой осмысление конфуцианской традиции, сделанное в форме духовной генеалогии самими конфуцианцами. Первое описание духовного преемствования конфуцианского учения содержится в самом конце канона «Мэн цзы», а введение в актуальную проблематику конфуцианства ключевого для концепции **дао тун** вопроса о «верном преемствования» (正統 zhengtong) связывают с именем знаменитого конфуцианца эпохи Тан Хань Юя (韓愈 768–824). Заслуга У Чэна состоит в том, что он первым провел фундаментальный философский анализ концепции «преемства Пути» (дао тун), применив к ней принципы рассмотрения динамического процесса, почерпнутые из «Книги перемен». Согласно «И цзин», любой процесс, протекающий во времени, проходит четыре стадии: «начало» (元 yuan), «развитие» (亨 heng), «принесение плода» (利 li), «завершение» (貞 zhen). У Чэн описал в категориях «Книги перемен» всю конфуцианскую традицию в целом, затем выделил в ней три цикла передачи Учения – традиция «далекой древности» (上古 shanggu), традиция «средней древности» (中古 zhonggu) и «близкой древности» (近古 jingu)¹⁰.

О деятельности У Чэна в период между 1267 и 1280 гг. почти ничего не известно. Кроме того, что в этом временном интервале он повстречал конфуцианского наставника Чэн Шаокая¹¹, который посвятил его в круг идей еще одной линии учительской преемственности, восходящей к самому знаменитому оппоненту Чжу Си, лидеру школы Сянашань Лу Цзююаню (1139–1192). Этот факт из биографии У Чэна делал его неординарной фигурой в истории неоконфуцианской мысли. Будущий лидер юаньского конфуцианства унаследовал школьные традиции обоих ведущих направлений не-

оконфуцианской мысли – школы «принципов» (理學 ли сюэ) и школы «сердца-сознания» (心學 синь сюэ). Данный факт был особо отмечен автором фундаментального историко-философского компендиума неоконфуцианской мысли Хуан Цзунси (1610–1695)¹². В рассматриваемый период своей жизни У Чэн делает попытку сдать экзамены на высшую ученую степень **цзиньши**, но терпит неудачу. Повторного шанса судьба ему не предоставила, так как экзаменационная система вскоре в связи с падением династии Сун прекращает свое существование, и следующие государственные экзамены смогли состояться только лишь в 1313 г.

Вскоре после падения Южной Сун в 1280 г. У Чэн по приглашению ученого Чжэн Суня удаляется в горы к юго-востоку от родной деревни Чунжэнь, где в добровольном отшельничестве проводит целых три года, занимаясь критическим изучением классического канона. Предпринятые им экзегетические разыскания в дальнейшем стали базисом для его многолетней работы по сохранению классического наследия.

В 1286 г. комментаторские труды У Чэна получают распространение в конфуцианском научном и образовательном сообществе. Этому поспособствовал кузен наставника У Чэна, его ровесник и однокашник по академии Линьчу – Чэн Чжунфу (1249–1318), который, следуя эдикту юаньского двора, искал в провинции Цзяннань достойных людей для служения новой династии. Хотя он и не смог склонить У Чэна к переходу на службу династии Юань и переезду в столицу, но содействовал распространению отредактированных последним классических канонов, которые стали использоваться при обучении студентов в столичном, элитном учебном заведении – Гоцзыцзянь («Училище сынов Отечества»).

В последующие годы известность У Чэна, благодаря распространению его сочинений в конфуцианской среде, неизменно растет. В 1295 г. его лекции о важнейшей для понимания неоконфуцианских духовных и ритуальных практик категории «почтительности» (敬 цзин), проходившие в окрестностях г. Нанчана (пров. Цзянси), привлекают большое число слушателей. В 1296 г. имперский канцлер Дун Шисюань приглашает У Чэна преподавать в своей клановой школе и вскоре рекомендует его как непревзойденного знатока классического наследия императорскому трону. По рекомендации Дун Шисюаня в 1301 г. У Чэна приглашают на вакантную должность в столичной академии Ханьлинь. Однако, по своему обыкновению, тот намеренно медлит с занятием должности и прибывает в Даду¹³ только на следующий год, когда пост уже был занят другим претендентом¹⁴. Намеренное

уклонение У Чэна от службы было вызвано его преданностью павшей династии Сун и скептическим отношением к правящей «варварской» династии.

Мотив отказа от государственной службы и связанный с ним образ уединившегося отшельника – характерный элемент конфуцианского агиографического жанра. Элемент присутствующий в официальной биографии У Чэна фактически с момента его рождения. Горы в его родном округе Фучжоу – это основное место жительства мастера Цао-лу, откуда он ненадолго отлучается на службу в столицу или для чтения лекций в академиях провинций Цзянси и Цзянсу, но всегда возвращается обратно. Напомним, что сразу после падения Южной Сун У Чэн уходит в горы, а в 1286 г. он отказывается от предложения своего друга Чэн Чжунфу служить при юаньском дворе. Предлог вежливого отказа – исполнение базовой конфуцианской добродетели – сыновней почтительности (孝 сяо): «Не желаю поступать на службу. Ибо придется покинуть Среднюю равнину ради Янь¹⁵, и тогда некому будет присматривать за моей матушкой», но подлинной причиной, по мнению Юй Чжи, было нежелание служить завоевателям¹⁶.

Свидетельством бескомпромиссной преданности У Чэна павшей династии Сун и китайскому культурному наследию в целом стало написанное им стихотворение – превосходный образец конфуцианской этической поэзии. Это стихотворение было написано перед отъездом У Чэна из монгольской столицы Даду и адресовано его друзьям, остающимся на службе у «варваров». Приведем наиболее показательный отрывок из него:

Ход времен отделил Яо с Шунем¹⁷ от нас,
но в отвесах костров шесть канонов чисты;
преходящие идолы мира сего
все страшатся огня и воды.
Предан сердцем был ханьскому дому Чжан Лян¹⁸,
Чжугэ Лян¹⁹ возродил дело Хань;
люди смутных времен, поздно жили они
и бессмертна их памяти дань.
Перед смертью Ван Ману²⁰ служил Ян Сюн²¹,
Тао Цянь²² покорился Цзинь;
хоть сто лет на земле кто-то прожил уже,
вот умрет и тогда суди.
Майна²³ вьет за Ци за рекою гнездо,
а кукушка, в Лоян вернувшись, поет.
Птице этой известны Неба пути
обо всем самой первой она узнает.
На ветру белой²⁴ злобою волны шипят,
дождь пройдет, и смешает все желтый²⁵ поток.
Друг, на северный берег уйти не спеши,
не погубит наследия предков рок²⁶.

Призыв У Чэна очевиден – не нужно подстраиваться под политическую конъюнктуру и служить северным варварам, следует хранить верность павшей династии Сун и китайской культуре (文 文ь).

Только лишь в 1309 г., будучи уже в возрасте 60 лет, У Чэн соглашается занять официальный пост в столичном училище Гоцзыцзянь. Однако уже в начале 1312 г. он оставляет должность и уезжает из столицы. Учитель поселяется в горном даосском монастыре к юго-востоку от родного Чунжэня, где продолжает дело всей жизни – работу над классическим конфуцианским наследием²⁷. В 1317 г. У Чэн председательствует на провинциальных экзаменах в Цзянси, где вступает в конфликт со своими коллегами, настаивая на необходимости сохранения во вступительных экзаменах темы человеческой природы в классических канонах «Лунь юй» и «Мэн-цзы»²⁸. Эта характерная деталь, сохраненная его биографами, демонстрирует неприятие У Чэном начетнической стороны нарождающейся неоконфуцианской ортодоксии и его устремленность к сохранению конфуцианства прежде всего как духовной практики.

У Чэн становится одним из немногих конфуцианцев, осмелившихся встать в оппозицию к новой экзаменационной системе. У Чэн выделял необходимость соревновательного характера экзаменов, утверждая, что «серии проверочных тестов, базирующихся на фиксированном круге вопросов, необходимо также уравновесить выяснением отношений кандидата с его родителями, семьей, кланом, друзьями, сообществом и людьми в целом; и не может быть никаких исключений для монголов и народов Центральной Азии»²⁹. У Чэн не приемлет компромиссов и выступает за чистоту традиции. Но вместе с тем процесс догматизации ортодоксальной неоконфуцианской доктрины и узкого круга комментариев на классический канон, пусть даже это комментарии великого Чжу Си, также вызывает неприятие У Чэна с его широчайшей эрудицией и приверженностью независимому самостоятельному мышлению.

В связи с личным противостоянием официальной политике в области конфуцианского образования, рекрутации административных кадров и экзаменационной системы У Чэн переосмысливает концепцию «преемства Пути» и роль в ней «самостоятельного обретения» (自得 цзыдэ) учения. Он декларирует независимость от государственной ортодоксии и интерпретирует «самостоятельное обретение» как героический акт овладения учением собственными силами. Протицируем самого учителя Цао-лу:

Кто тогда действительно может быть представлен как герой (浩志之士 хаочжи чжи ши, буквально – «ученый муж безбрежной жизненной силы». – А. Р.)? Это такие, о которых Чжу Си говорил как о замечательно способных и мудрых, кто ведет других к возможности преодолеть свою эпоху и возвыситься над толпой. Так в период Чжаньго доминировали утилитарные идеи. [Эта эпоха] была заполнена людьми вроде Ян Чжу и Мо-цзы, которые вводили мир в заблуждение, затуманивали людям головы и затворяли путь гуманности и долга. В эти дни последователи Конфуция практически исчезли, но появился Мэн-цзы <...>, который вновь продолжил традицию идущую от Конфуция. Период Чжаньго подобен пустыне, где обитает один единственный человек – Мэн-цзы. Разве он не был подлинным героем?

После смерти Мэн-цзы, более чем тысячу лет – от Цинь до Пяти династий, ученые были увлечены рутинной вульгарного педанства и странными доктринами даосизма и буддизма. Культура (文 文ь) долгое время была в состоянии упадка, когда Чжоу Дуньши, опираясь исключительно на собственные силы, смог поднять из мрака забвения и вновь спустя тысячу лет обрести Дао-Путь. Следом только братья Чэн продолжили учение Чжоу Дуньши и только Чжан Цзай смог составить им компанию <...>. Если они не были настоящими героями, то как они смогли свершить это?

Никто в школе братьев Чэн и Чжан Цзая не смог передать Путь далее. Только после перемещения [династии Сун] на юг, сто лет спустя, Чжу Си из Фуцзяни смог завершить великое дело мастеров. Поэтому мастер Чжу – великий герой следующий за периодом ренессанса [традиции]. Теперь, когда со времени Чжу Си прошло еще столетие, кто найдет в себе способности для восстановления традиции Чжу Си?³⁰.

Героическое противостояние эпохе декаданса традиции и обретение Пути собственными силами – лейтмотив биографии У Чэна, отчетливо зафиксированный его учеником и биографом Юй Чжи.

Вскоре после конфликта во время приема государственных экзаменов в 1317 г. Цао-лу³¹ поселяется неподалеку от Цянькана (современный Нанкин) и все также неустанно продолжает работу над всеобъемлющим комментарием канонического конфуцианского наследия. С 1323 по 1325 г. Несгибаемый поборник конфуцианской традиции вновь на службе у юаньского двора и снова в сфере образования – он канцлер академии Ханьлин. Высочайший пост, фактически означающий признание У Чэна лидером конфу-

цианцев своего поколения. В этот период У Чэн, помимо своего желания, участвует в процессе подготовки издания буддийского канона, к которому его попросили написать предисловие³². Помимо этого он подключается к работе по компиляции и изданию **шилун** – «правдивых записей»³³ правления императора Ин-цзуна (монг. Шидебала, 1321–1324), убитого монгольскими заговорщиками³⁴. У Чэн попытался склониться от данного правительственного задания под предлогом болезни, но подлинным мотивом было нежелание участвовать в намеренной фальсификации истории убитого в результате заговора правителя. В 1324 г. У Чэну, в знак признания его выдающихся наставнических способностей, поручают читать лекции новому императору Есун Тимуру.

Однако навязываемые ему почетные поручения претили У Чэну, старавшемуся в эти непростые времена сохранить конфуцианскую честность и объективность, следовать императиву «исправления имен» (正名 чжэн мин). По этой причине У Чэн просит отставки и, получив ее, удаляется на покой в родной округ Фучжоу.

Прожив в непрестанных трудах еще восемь лет, учитель Цао-лу скончался в преклонном возрасте 83 лет. По императорскому указу ему пожаловали посмертный титул Линьчуаньского князя и посмертное имя – Вэньчжэн (文正 «Просвещенный и прямой»)³⁵. А спустя четыреста лет в 1737 г. табличка с посмертным именем У Чэна была помещена среди «достойных» (賢 сян) в императорском храме³⁶.

Еще одна деталь, характерная для традиционной конфуцианской агиографии, – упорный, повседневный, начавшийся с трех лет и завершившийся лишь в день кончины труд У Чэна. Нелегкое бремя непрекращающегося самосовершенствования и познания сокровенного смысла конфуцианского канона. Труд длиною в 80 лет. Приведем запись Юй Чжи о смерти учителя: «В четвертый год [правления под девизом Тянь-ли] завершил „Лицзи цзуаньянь“ (комментарий на канон „Записи о ритуале“. – А. Р.). Шесть месяцев учитель лежал больным <...>, позвал детей и внуков, сделал указания о ближайших делах, сложил руки в знак приветствия, выпрямил тело и заснул. В ночь под циклическими знаками **и-ю** большая звезда упала к северо-востоку от его жилища. В полдень дня под циклическими знаками **бинь-сю** дух [его] успокоился и почил [навеки]»³⁷. О падении звезды перед смертью У Чэна сообщает и юаньская династийная история³⁸.

Знаменья, обрамляющие рождение и смерть У Чэна, его приверженность отшельническому образу жизни – мотивы, нетипичные

для биографии конфуцианского книжника. Возможно, они могут найти объяснение в близости У Чэна и его ученика и первого биографа Юй Чжи к даосской школе «Небесных наставников». Связь У Чэна с даосами подтверждается и тем, что его жена Юй Вэйгун была теткой одного из ведущих даосов своего времени Юй Сишэна, и тем, что внучатый племянник У Чэна уже после смерти последнего женился на дочери 43-го Небесного наставника Чжан Юйчу (1359–1409)³⁹. Однако даже если даосское влияние и имело место, что вполне вероятно, биография мастера Цао-лу – это бесспорно биография великого конфуцианского ученого (в ней присутствуют традиционные для конфуцианского жизнеописания сюжеты раннего проявления таланта, непрестанного изучения канонической литературы и преданности павшей династии), и чудесные знаменья служат лишь для подтверждения высокого статуса У Чэна в рамках именно конфуцианской традиции.

Письменное наследие У Чэна составляет 100 цзюаней, которые были опубликованы и как отдельное собрание сочинений, а также частично включены в состав энциклопедического свода «Сыку цюаньшу» («Полное собрание книг по четырем разделам»), изданного в конце XVIII в. в правление цинского императора Цяньлуна. Собрание сочинений У Чэна включает беседы мастера с учениками, письма, комментарии на классические китайские военные трактаты, надписи на стелах, записи по конкретным вопросам, стихи. Но центральное место в наследии наставника Цао-лу составляют, конечно, его труды, посвященные кругу классических произведений⁴⁰. Почти все философско-эзегетические работы У Чэна носят название «цзуаньянь» (續言 «комментарии», буквально – «слова, выделяющие основной узор»).

Еще в годы ученичества в академии Линьчу (1264–1267 гг.) У Чэн пишет работу, рассматривающую теорию «преемства Пути» – «Даотунту» (道統圖 «План передачи Пути»), выдержки из которой затем вошли во все биографические статьи, посвященные У Чэну. Тогда же он начал работу над комментарием к «Сяо цзин» («Канону сыновней почтительности»), окончательно завершеному лишь в 1281 г.⁴¹ В эти же годы добровольного удаления от мира он ведет подготовительные работы к будущему делу всей своей жизни – всеобъемлющему комментарию на конфуцианский канон, в первую очередь, его древнейшую часть «Пятиканоние».

Следующий пик философско-комментаторской деятельности У Чэна приходится на 1307 г. В этом году он обращается к текстам даосской классики. Его кисти принадлежат неоконфу-

У Чэн (1249–1333): биография в контексте традиционного конфуцианского жизнеописания

цианские по духу комментарии на «Лао-цзы», «Чжуан-цзы» и «Тай сюань цзин» («Канон великого сокровенного» – автор Ян Сюн (53 г. до н. э. – 8 г. н. э.))⁴². Отметим кстати, что В. М. Алексеев полагал, что именно эти комментарии должны стать главной опорой для перевода текстов даосской классики на русский язык⁴³.

Лишь в 1316 г. в даосском монастыре к юго-востоку от Чунжэня У Чэн завершает работу над первым из классических конфуцианских канонов «Книгой перемен», составив комментарий «И цзуаньянь». В следующем 1318 г. У Чэн пишет комментарий на «Шу цзин» – «Шу цзуаньянь», в котором открыто заявляет о неаутентичности, подложности «древней» редакции «Канона документов»⁴⁴.

Затем следует очередной перерыв, вызванный государственной службой, и уже в последние восемь лет жизни учитель Цао-лу завершает титанический труд по всеобъемлющему комментарию канона. В 1328 г. он завершает комментарий на летопись «Весны и осени» – «Чуньцю цзуаньянь», в котором в равной мере привлекаются все три комментаторские традиции: Гунъян, Гулян и Цзо. В 1329 г. У Чэн вынужден вернуться к комментированию «И цзина» и пишет «Предисловие к комментарию на „Книгу Перемен“» («И цзуаньянь вайи»). И, наконец, перед самой кончиной в 1333 г. У Чэн завершает самый важный для него труд «Лицзи цзуаньянь» («Комментарий на „Записки о ритуале“»)⁴⁵.

Восемьдесят лет, начиная с трехлетнего возраста, У Чэн провел за изучением классического конфуцианского канона. Он упорно отказывался от политической карьеры, становясь лишь дважды на краткий срок чиновником в образовательных учреждениях. Но в то же время не вступил в открытое противостояние с монгольским правящим режимом, который явно до конца своих дней так и не принял. Жизнь неудачника, которому, как полагал известный конфуцианец-бунтарь рубежа Мин и Цин Люй Люлянь (呂留良 1629–1683), не хватило отваги открыто встать за правое дело?⁴⁶ То, что он не погиб в свои тридцать, с оружием в руках защищая последнего сунского Сына Неба, как полагается герою по европейским романтическим представлениям, не умаляет свершения его героического жребия в рамках конфуцианской традиции. Для нее типичен идеал долголетнего служения правому делу вопреки политической конъюнктуре и вместе с тем характерен императив принятия «велений судьбы».

Примечания

¹ У Чэн вместе с Сюй Хэном являлись самыми известными юаньскими конфуцианцами, бытовала даже

соответствующая поговорка: «На юге У [Чэн], на севере Сюй [Хэн]» (Хоу Вайлу, Цю Ханьшэн, Чжан Цичжи. Сун Мин лисюэ ши. Пекин, 1984. С. 732. На кит. яз. Пер. загл. на рус. яз.: История неоконфуцианства периода [правления династий] Сун и Мин).

² Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: в 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 261.

³ Юй Чжи. Дао-юань сюэгулу. Шанхай, 1929–1937. С. 384. (Сыбуцункань; т. 301). На кит. яз. Пер. загл. на рус. яз.: Старые записки учения Дао-юаня; пер. загл. сер. на рус. яз.: Собрание произведений по четырем разделам.

⁴ Юань ши. Шанхай, 1935. С. 1218. (Сыбуэйяо; т. 34). На кит. яз. Пер. загл. на рус. яз.: История династии Юань; пер. загл. сер.: Полное собрание книг по четырем разделам.

⁵ Сыма Цянь. Исторические записки («Шицзи») / пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина; под общ. ред. Р. В. Вяткина. М., 1975. Т. 2. С. 157.

⁶ Юй Чжи. Указ. соч. С. 384.

⁷ Цит. по: Gedalecia D. Wu Ch'eng and the perpetuation of the classical heritage in the Yuan // China under Mongol Rule / ed. by J. D. Langlois jr. Princeton, 1981. P. 187.

⁸ Юй Чжи. Указ. соч. С. 384–385.

⁹ Gedalecia D. Op. cit. P. 188.

¹⁰ Юань ши. С. 1218.

¹¹ Чэн Шаокай был учеником третьей очереди nasledования традиции Лу Сяншаня по линии его самого раннего ученика – Ян Вэя (Ли Гоцзюнь, Ван Биньчжао, Ли Цайдун. Чжунго шуянь ши. Ухань, 1994. С. 441. Пер. загл. на рус. яз.: История китайских частных академий).

¹² Хуан Цзунси, Цюань Цзуван. Сун Юань сюэань. Пекин, 1986. С. 3036–3037. Пер. загл. на рус. яз.: Обзорение учений [периода] династий Сун-Юань.

¹³ Даду – столица династии Юань, ныне г. Пекин.

¹⁴ Хуан Цзунси, Цюань Цзуван. Указ. соч. С. 3037.

¹⁵ Янь – древнее название княжества на северо-востоке Китая, на землях которого позднее располагалась юаньская столица Даду (нынешний Пекин).

¹⁶ Юй Чжи. Указ. соч. С. 385.

¹⁷ Яо и Шунь – легендарные древние совершенному-дрые.

¹⁸ Чжан Лян (III в. до н. э.) – соратник Лю Бана, прославившийся своей верностью павшему княжескому дому Хань, мщению династии Цинь Чжан Лян посвятил всю свою жизнь.

¹⁹ Чжугэ Лян – знаменитый полководец эпохи Троецарствия, главный герой одноименного классического китайского романа. Его стратегический талант помог восстановить правление династии Хань на части территории Срединной империи.

²⁰ Ван Ман (45 г. до н. э. 32 г. н. э.) – узурпатор императорского трона, пытавшийся свергнуть династию Хань и установить правление новой династии Синь.

²¹ Ян Сюн (53 г. до н. э. 8 г. н. э.) – знаменитый ханьский конфуцианец.

²² Тао Цянь (Тао Юаньмин, 365?–427) – древний даос и прославленный поэт.

²³ Майна – птица известная тем, что способна под-

ражать различным голосам. Здесь символ приспособленчества к сиюминутным обстоятельствам.

²⁴ Белый цвет – традиционный цвет монголов; о «девятибунчужном белом знамени» Чингисхана см. напр.: Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997. С. 116.

²⁵ Желтый – геральдический цвет павшей китайской династии Сун.

²⁶ Перевод сделан по китайскому оригиналу, опубликованному в статье: Lao Yan-shuan. Southern Chinese scholars and educational institutions in Early Yuan: some preliminary remarks // *China under Mongol Rule*. P. 124–125.

²⁷ О связи У Чэна с даосскими кругами на его родине см.: Sun K'o K'uan. Yu Chi and Southern Taoism during the Yuan period // *China under Mongol Rule*. P. 212–213.

²⁸ Gedalecia D. Op. cit. P. 193.

²⁹ de Bary W. T. Neo-Confucian orthodoxy and the learning of the Mind-and-Heart. New York, 1981. P. 59.

³⁰ Цит по: de Bary W. T. Learning for one's self: essays on the individual in Neo-Confucian thought. New York; Oxford, 1991. P. 105–106.

³¹ Свое прозвище У Чэн получил от своего друга Чэн Чжифу, за его склонность к отшельничеству (曹廬 саолу означает «травяная хижина», «шалаш») (Хуан Цзунси, Цюань Цзуван. Указ. соч. С. 3037).

³² Юй Чжи. Указ. соч. С. 387.

³³ Шилу (實錄 «правдивые записи») – одна из форм традиционной китайской историографии – записи о делах правления одного императора, составляются сразу после смерти императора по указу его наследника (подр. см.: Доронин Б. Г. Историография императорского Китая, XVII–XVIII вв., СПб., 2002. С. 56–78).

³⁴ Юань ши. С. 1218.

³⁵ Хуан Цзунси, Цюань Цзуван. Указ. соч. С. 3037.

³⁶ Chow Kai-wing. The rise of Confucian ritualism in late imperial China: ethics, classics, and lineage discourse. Taipei, 1994. P. 155.

³⁷ Юй Чжи. Указ. соч. С. 388.

³⁸ Юань ши. С. 1219.

³⁹ Sun K'o K'uan. Yu Chi and Southern Taoism during the Yuan Period // *China under Mongol Rule*. P. 221.

⁴⁰ Чжунгожусуэ байкэцюаньшу. Пекин, 1997. С. 704. Пер. загл. на рус. яз.: Энциклопедия китайского конфуцианства.

⁴¹ Gedalecia D. Op. cit. P. 188–189.

⁴² Юй Чжи. Указ. соч. С. 386.

⁴³ Алексеев В. М. Новый метод и стиль переводов классиков // Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: в 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 135.

⁴⁴ Gedalecia D. Op. cit. P. 192–193.

⁴⁵ Ibid. P. 194.

⁴⁶ de Bary W. T. Learning for one's self. P. 27.